

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СТАРОСТИ И СТАРЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье описываются социологические теории старости и старения. Осуществлена их классификация на основании заданных критериев: время появления; принадлежность к общей социологической парадигме; уровень анализа данных. Сделаны выводы о преимуществах и недостатках данных теорий.

N. I. ROLICH

SOCIOLOGICAL THEORIES OF AN OLD AGE AND AGING: COMPARATIVE ANALYSIS

РОЛИЧ

Нина Игоревна,

The article describes 16 sociological theories of old age and ageing. Their classification is based on the specified criteria: the time of appearance; belonging to the general sociological paradigm; level of data analysis. Conclusions about the advantages and disadvantages of these theories are made.

магистр социологических наук, аспирант кафедры социологии Белорусского государственного университета

Введение

Старость как социальную проблему принято считать феноменом XX века. Индустриализация, урбанизация, изменение семейного уклада, перераспределение «многополюсии на знания» вызвали изменения демографических процессов, которые привели к резкому увеличению доли пожилых людей в общей численности населения.

На сегодня очевидно, что решение геронтологических проблем не может протекать исключительно в русле медицинских интерпретаций. Именно поэтому в западных странах активно развивается социальная геронтология, фундамент которой составляет социология старости. В развитых странах данная теория среднего уровня фундирует и снабжает междисциплинарное поле социальной геронтологии теоретико-методологическим аппаратом исследования, которое разворачивается на разных уровнях: от микро- до макросоциального анализа [1].

Социологический анализ феномена старения позволяет сделать вывод, что актуальной проблемой становится не само по себе увеличение доли пожилых людей в возрастной структуре, а невалидные интерпретации данного факта и поиск решений по преодолению последствий старения: экономических, социальных, политических, индивидуальных.

Полисемантическая природа понимания феномена старения с позиций различных подходов: биологического, который рассматривает старение как произвольную фазу в развитии организма, ведущую к потере адаптационного потенциала; психологического, который определяет старость как момент личного осознания себя старым; социально геронтологического, в рамках которого старость может быть определена как соотношение демографических показателей, характерных для конкретного культурного или временного отрезка, с набором социальных статусов и требований, приписываемых человеку в определенном возрасте, в совокупности с его личным восприятием себя самого, – требует построения общетеоре-

тической междисциплинарной рамки геронтологических исследований, которая позволит понимать и объяснять данные эмпирических исследований, вписывая их в реальный социальный контекст с помощью аналитических социологических инструментов. Для построения необходимого общетеоретического фрейма важно использовать накопленный опыт социального геронтологического знания, которое сформировало предпосылки для построения новых объяснительных моделей, релевантных современным запросам.

Основная часть

На протяжении относительно небольшого исторического периода существования социальной геронтологии, которая зарождается в 1940-х гг. и связывается с именем Э. Стиллица, было сделано много интеллектуальных усилий, направленных на строительство теории. Работы пионеров в области исследования старения, таких как Г. С. Холл (*H. S. Hall*), Э. В. Коудри (*E. V. Cowdry*), Р. Линтон (*R. Linton*), Т. Парсонс (*T. Parsons*) и Р. Хэвхерст (*R. J. Havighurst*) интегрировали эмпирические результаты в теоретические основания, которые составили фундамент социальной геронтологии [2].

Анализ научных статей и работ зарубежных авторов демонстрирует существование как минимум 16 социологических концепций старения, которые до сих пор в большей или в меньшей степени используются в качестве теоретических основ социальной геронтологии. Данные теории можно классифицировать на основании трех критериев: 1) время появления – теории первого, второго и третьего поколения; 2) принадлежность к общей социологической парадигме – символический интеракционизм, структурно-функциональный анализ, теория обмена и т. д.; 3) уровень анализа – от микро- до макроуровня анализа данных (рис. 1).

Для развития теоретико-методологической базы социологии старости как специальной социологической

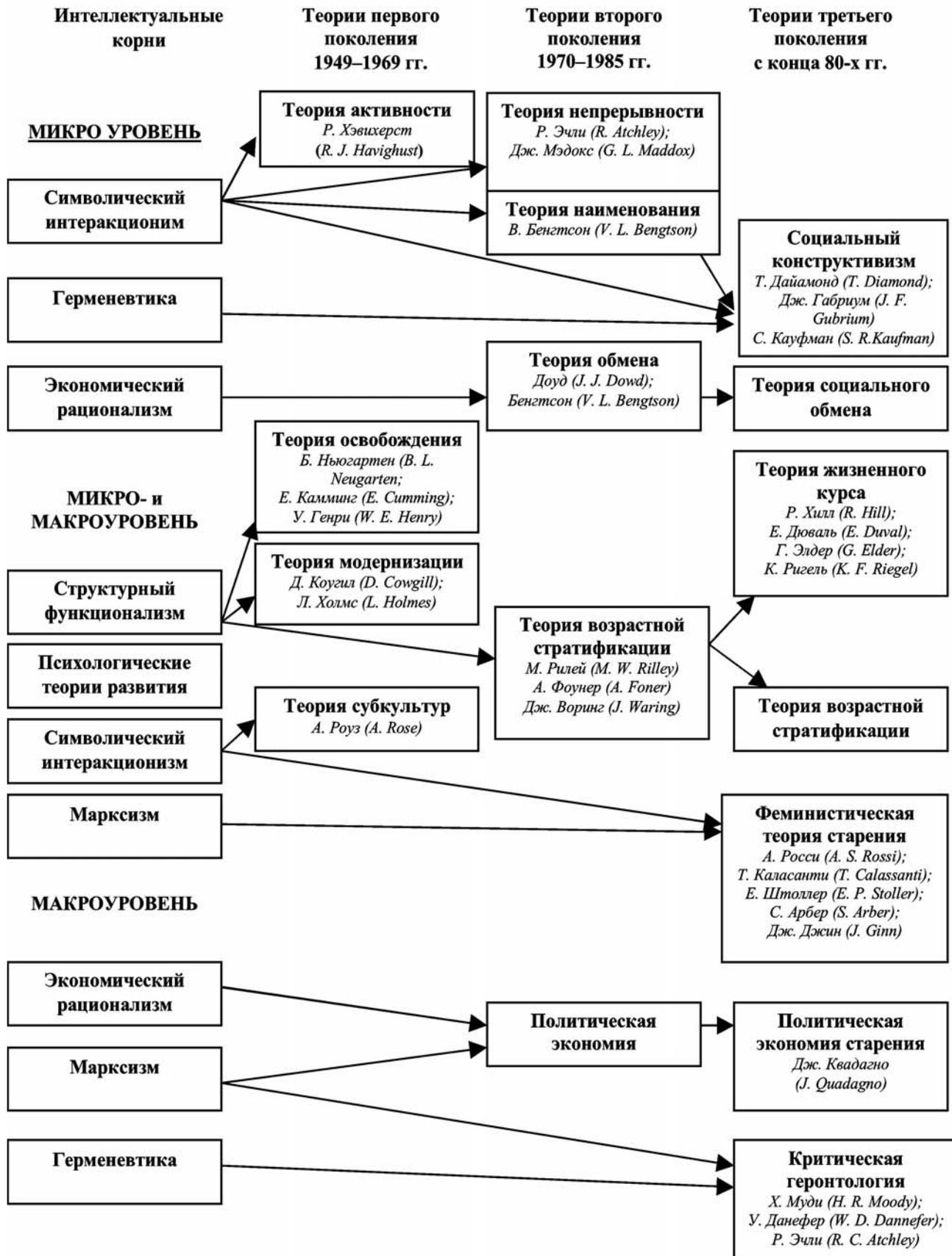

Рисунок 1 – Социологические теории старости и старения в социальной геронтологии

теории важно проанализировать и ответить на ряд вопросов, касающихся: 1) их научного происхождения; 2) сути изучаемых проблем; 3) принципов анализа; 4) примеров применения некоторых теорий на практике для решения эмпирических проблем; 5) возможностей и ограничений теорий.

Теория активности была разработана Р. Хэвихерстом (*R. J. Havighurst*) и его коллегами в 1953 году и может быть отнесена к теориям старости и старения «первого поколения». В рамках данной теории утверждается, что оставаться активным и вовлеченным в общество имеет решающее значение для удовлетворения в старости, а успешная старость эквивалентна активной старости. Активно по своей природе может быть физической и интеллектуальной, однако в рамках данной теории она относится в основном к поддержанию активных ролей в обществе [3]. Таким образом, в теории активности декларируется, что для поддержания собственного позитивного имиджа пожилые люди должны развивать новые интересы, хобби, роли и отношения для замены тех, которые уменьшились или были потеряны к концу жизни.

Теория непрерывности, разработка которой принадлежит Р. Эчли (*R. C. Atchley*) и Дж. Мэдоксу (*G. L. Maddox*), объясняет, что личность и ее значения, нравы, предпочтения, ролевая активность и основные шаблоны поведения последовательны на протяжении всей жизни. Эта теория в какой-то мере опирается на теорию активности и модифицирует ее. Критика данной теории направлена на то, что в ней слабо учтено влияние таких переменных, как этническая принадлежность, пол, образ жизни, социально-экономический статус, а также то, что данная теория не может быть подтверждена на основе фактических данных исследований [4]. Получается, что данная теория предлагает описывать нормальное старение на фоне жизненной перспективы, где поздняя часть жизни является просто продолжением ранней части.

Теория социального кризиса или теория наименования, разработанная В. Бенгтсоном (*V. L. Bengtson*) в 1973 году, выделяет пожилых людей в определенную маргинализованную группу, изолированную от общества [5]. Старость, таким образом, описывается, как состояние девиантности, где пожилые люди выступают как бесполезные, маргинальные, утратившие прежние способности, уверенность в себе и чувство социальной и психологической независимости.

Авторы **теории социального конструктивизма** – Т. Даймонд (*T. Diamond*), Дж. Гамбриум (*J. F. Gumbrium*), С. Кауфман (*S. R. Kaufman*) – подчеркивали свой интерес в понимании, а не в объяснении индивидуальных процессов старения, происходящих под влиянием социальных воздействий и социальных структур. Во-первых, через исследование социального конструирования возраста и старения они связывали индивидов с социально-структурным контекстом. Например, формирование стереотипов о пожилых людях как зависимых, асексуальных или девиантных социально определяется, что может быть видно через исследование аттитюдов старения и стереотипов старости. Во-вторых, эти теории изучают ситуативные, новые и конститутивные особенности старения путем исследования того, как социальные значения возрас-

та возникают через переговоры и дискурсы. В-третьих, социально-конструктивистские теории старения подчеркивают, что социальная реальность меняется во времени, отражая изменения жизненных ситуаций и социальных ролей, которые происходят в процессе созревания [6]. Учет различных аспектов процесса старения авторами данной теории социального конструирования старости делает ее одной из наиболее цитируемых в социальной геронтологии. Это связано с тем, что, во-первых, теория социально-конструктивистская теория распознает, как индивиды активно включены в повседневную жизнь, создавая и производя социальные смыслы для себя и своего окружения. Данный социальный процесс интеракции может быть рассмотрен как диалектический – индивидуальное поведение производит реальность, которая в свою очередь является структурой индивидуальной жизни. Во-вторых, данное направление хорошо применимо в междисциплинарной области социальной геронтологии, так как может быть адаптировано к множеству различных тем. В-третьих, теория социального конструктивизма влияет и на другие современные социологические теории старения, в особенности на феминистскую и критическую теорию.

Происхождение **теории социального обмена** в социологии отражено в классических формулировках, сделанных еще Хомансом и Блау. В социальной геронтологии Дж. Довд (*J. J. Dowd*) и В. Бенгтсон (*V. L. Bengtson*) на основе этих теорий предположили, что причиной снижения взаимодействий между пожилыми и молодыми людьми является то, что пожилые люди имеют меньше ресурсов, которые они могут предложить в процессе социального обмена.

В применении к старению данное направление делает попытку объяснить обменное поведение между индивидами разных возрастов как результат сдвига ролей, способностей и ресурсов, которыми сопровождается преклонный возраст. Теория социального обмена также предлагает объяснения баланса или дисбаланса между тем, что получено и отдано между поколениями. Третья проблема социальной теории обмена старения направлена на понимание того, как поведение обмена отражает меняющиеся обстоятельства взросления и тех, с кем они взаимодействуют [7]. Основной вклад теории социального обмена в социологию старения – ее возможность объяснять обмены контактами и социальной поддержкой, так как эти обмены вызваны эмоциональными, социальными или финансовыми ресурсами.

Теория освобождения, разработанная Дж. Розеном (*J. Rosen*) и Б. Ньюгартен (*B. Neugarten*), а также Е. Каммингом (*E. Cumming*) и У. Генри (*W. E. Henry*), одна из наиболее ранних и наиболее спорных теорий старости. Она представляет взгляд на старость как на процесс постепенного удаления общества от людей пожилого возраста. Это взаимное отдаление или освобождение – естественный, приемлемый, универсальный процесс, который сопровождает старение. Это применимо для старшего поколения во всех культурах, хотя могут случаться и отличия. Согласно данной теории, преимущества освобождения существуют как для самого пожилого населения, так и для социальной системы. Постепенное удаление из общества и

отношений сохраняет социальное равновесие и способствует саморефлексии старших, которые освобождаются от социальных ролей. Оно предоставляет упорядоченные способы для передачи знаний, капитала и власти от старшего поколения к молодому. Это делает возможным продолжение функционирования общества после смерти его членов.

Среди слабых сторон данной теории можно выделить отсутствие доказательств или исследований в ее поддержку. Кроме того, очевидно, что многие пожилые люди желают сохранить свои места и связи в обществе, что делает процесс разобщения нежелательным, по крайней мере для одной из сторон [8]. Получается, с одной стороны, удаление пожилых людей от общества позволяет сохранять равновесие социальной системы, а с другой – лишает пожилых людей возможности сохранения активных позиций в обществе и может быть нежелательным процессом.

Теория модернизации оформилась в социальной геронтологии преимущественно благодаря работам социологов Д. Коугилла (*D. Cowgill*) и Л. Холмса (*L. Holmes*). В 1972 году они разработали теорию модернизации, которая была связана со старением и старостью. Их позиция заключалась в том, что по мере того как общество проходит процесс модернизации, связанный с переходом от ведения домашнего хозяйства и ремесленного производства к доминированию промышленного способа производства, серьезно изменяется и статус пожилых людей. Более поздние теоретические изыскания Д. Коугилла (*D. Cowgill*) выделяют четыре основных аспекта модернизации, которые определяют статус пожилых людей: 1) система здравоохранения; 2) экономические и промышленные технологии; 3) урбанизация; 4) образование.

На основе теории Д. Коугилла совершенствование технологий здравоохранения, включающее достижения в медицинской практике и улучшение общественного здоровья, имеет положительное влияние и способствует улучшению здоровья населения и увеличению продолжительности жизни, однако оказывает и негативное влияние на пожилых людей, так как чем дольше люди живут, тем большая конкуренция существует на рынке труда. Работодатели в индустриальном обществе отдают предпочтение молодым сотрудникам с новыми профессиональными знаниями, нежели пожилым работникам, вынуждая пожилых людей уходить на пенсию [9]. Таким образом, выход на пенсию, согласно теории модернизации, приводит к потере доходов, престижа и уважения, приводит к снижению статуса пожилых людей.

Теория субкультуры старости представляет собой социальную теорию старения «первого поколения», предложенную А. Роуз (*A. Rose*). В ней утверждается, что пожилые люди больше взаимодействуют друг с другом, нежели с молодыми людьми, так как у них имеются общие интересы и проблемы, а также потому, что они были исключены из других социальных кругов.

Теория субкультуры старения критикуется за игнорирование аффилированных связей, которые не связаны с возрастом: принадлежность на основе таких характеристик, как родство, раса, профессиональная принадлежность, социальный класс, религия [10]. Иначе говоря,

вместо того, чтобы быть исключенными из участия во взаимодействиях с теми, кто находится за пределами их возрастного диапазона, пожилые люди, возможно, имеют больше потенциальных сходств и ассоциаций на основе других, не возрастных характеристик. На эти модели взаимодействия влияют многие факторы, такие как личные предпочтения, социальные барьеры, социальная принадлежность человека в прошлом.

Развиваясь в области вопросов, изучающих взросление, **теория жизненного курса** отражает определенные традиции на микросоциальном уровне анализа, которые приводят в своих работах Р. Хилл (*R. Hill*) и Е. Дюваль (*E. Duvall*), Г. Элдер (*G. Elder*), К. Ригел (*K. F. Riegel*), Г. Хагенштад (*G. O. Hagestad*) и Б. Ньюгартен (*B. L. Neugarten*). На макросоциальном уровне анализа данная теория приводится в работах Дж. Клаузена (*J. Clausen*), Т. Харевена (*T. K. Hareven*), М. Коли (*M. Kohli*) К. Майера (*K. U. Mayer*).

Данное направление репрезентирует конвергенцию между социологическим и психологическим взглядом на процессы макро- и микроуровня анализа, между популяциями и индивидами на протяжении времени. Исследователи, которые включают в свои работы теорию жизненного курса, делают попытки объяснить следующее: 1) динамическую, контекстуальную и процессуальную природу старения; 2) возрастно ориентированные передвижения и жизненные траектории; 3) связь старения и влияние на него социального окружения, культурных значений и социальных структурных процессов; 4) время, периоды и когорты, формирующие возрастные изменения для индивидов и социальных групп [5].

Стоит отметить, что концепция жизненного курса является одной из наиболее цитируемых концепций в понимании и объяснении процессов старения, которая вносит весомый вклад в изучение старения в социальных науках. Во-первых, концепция жизненного курса делает попытку объединить два уровня анализа через соединение влияния истории, социальной структуры и индивидуальных значений в теоретических и аналитических моделях. Во-вторых, данный подход представляет собой междисциплинарную или как минимум мультидисциплинарную область исследования как в содержании, так и в методах. В данном подходе соединяются воедино, казалось бы, несопоставимые подходы к жизненному курсу, которые отражены в традиционных академических дисциплинах: социологии, психологии, антропологии, истории, в рамках которых предлагается то, как они могут дополнять друг друга. В-третьих, концепция жизненного цикла является эксплицитно динамичной: вместо того, чтобы фокусироваться на одном из сегментов жизненного курса, индивидах или когортах, в рамках данного направления делается попытка отразить жизненный цикл всецело, здесь также допускаются девиации в траекториях жизненного цикла.

Интеллектуальные корни **теории возрастной стратификации** М. Риллей (*M. W. Riley*), А. Фоунер (*A. Foner*) и Дж. Воринг (*J. Waring*) относят к структурному функционализму, а именно к работам П. Сорокина, К. Мангейма, Т. Парсонса. Они отмечают три основных компонента данной парадигмы: 1) изучение передвижений в возрастных когортах с течением времени с целью определения сходств и различий между ними; 2) исследование синхронных

изменений между структурными и индивидуальными изменениями с течением времени; 3) изучение взаимозависимостей возрастных когорт и социальных структур.

Теория возрастной стратификации вносит весомый вклад в объяснение социальной геронтологии. Во-первых, она напоминает одно из нескольких теоретических направлений, сводящих теорию старения к основам социологии. Данное направление было одним из первых обративших внимание на упоминание возраста и социальных структур. Во-вторых, возрастная стратификация играет решающую роль в распутывании влияний сложносоставной возрастной структуры от лонгитюдных угроз жизненного курса. В-третьих, она обеспечивает ценные связи между индивидуальным развитием и историческими изменениями [11]. Таким образом, теория возрастной стратификации обращает внимание на вариации в рамках возрастных когорт, а также обеспечивает пути исследования различий, связанных со временем, периодом и когортами.

Теоретики **феминистской концепции** утверждают, что гендер должен быть использован в качестве основного объяснительного конструкта в понимании старения и старости. Согласно данной теории, гендер является организационным принципом для социальной жизни в течение жизни, что существенно меняет опыт старения. На макроуровне анализа феминистская теория старения фокусируется на экономических отношениях и отношении силы между пожилыми мужчинами и женщинами. На микроуровне анализа феминистская теория постулирует, что гендер должен быть исследован в контексте социальных значений. Феминистская теория также делает попытки интегрировать микро- и макроподходы к старению через фокусирование внимания на связи между индивидуальными и социальными структурами, в особенности что касается отношений силы.

Несмотря на то что феминистская теория является не такой популярной и часто цитируемой, как например концепция жизненного курса или теория социального конструктивизма, она вносит в социальную геронтологию определенный вклад. Во-первых, данное направление фокусируется на потребностях большей части популяции, женщинах; в то же время подчеркивается потребность к изучению других форм различий между пожилыми людьми. Следовательно, теоретики феминизма делают попытку создать более включенный портрет старения через стимулирование традиционных андроцентрических сдвигов. Во-вторых, феминистские исследования в геронтологии связаны с практикой, которая осуществляется через адресацию вопросов, которые релевантны для повседневной жизни женщин. В-третьих, теоретики феминизма обеспечивают модели для макро- и микроконцептуальных связей в социологии старения, адресуя их как структурным, так и индивидуальным уровням теории [12]. Более того, теоретики феминизма в геронтологии критикуют возрастные сдвиги в «мэйнстриме» феминистских теориях, которые традиционно игнорируют вопросы возраста.

Концепция политической экономии старения подчеркивает влияние, которое социальные структуры, экономика и социальная политика оказывают на взрослеющих

индивидов, и те ограничения, которые распространяются на опции, доступные для людей взрослого возраста. Если ее соединить с критической теорией, концепция политической экономии предполагает, что опыт старения разнообразен и базируется на таких структурных ограничениях, как социальный класс или статус социальных меньшинств [13]. Политическая экономия старения также может быть связана с концепцией социального конструктивизма с точки зрения путей, где структурные силы старения управляют и контролируют социальное конструирование старения, и того, как переживается опыт взрослого возраста.

Критическая концепция старения отражает множество теоретических трендов в современной социальной геронтологии, включая политическую экономию старения, феминистскую теорию, гуманистическую геронтологию. Стоит отметить, что критическая геронтология развивалась на основе двух различных моделей. Одна ориентируется на гуманистическое измерение, а другая – на структурные компоненты.

Четыре задачи критической геронтологии идентифицировал Х. Муди (H. R. Moody): 1) теоретизировать субъективные и интерпретативные измерения старения; 2) сфокусироваться не на техническом совершенствовании, а на практиках, определяемых как действия включения в практические изменения, такие как социальная политика; 3) соединить ученых и исследователей через практику; 4) производить «эмансипированное знание» [14]. В то же время У. Данефер (W. D. Dannefer) утверждал, что критическая геронтология не должна быть чисто критикой возникающих теорий, а должна создавать модели старения, подчеркивая преимущества и разнообразие возраста. Более того, У. Данефер применял критическую теорию для исследования невнимания к изменчивости в изучении старения. Автор утверждал, что понятия увеличивающейся гетерогенности с возрастом не подходят к появляющимся теоретическим рамкам социальной геронтологии, большинство из которых, по его мнению, являются преимущественно индивидуальным уровнем развития и социализации и фокусируются на нормативном старении [15].

Заключение

Поколения социологических теорий старения и их классификация помогают понять ключевую мысль: каждая теория в социальной геронтологии и социологии старости имеет свою интеллектуальную историю, в которой важно определить, как предшествующие успехи или неудачи в объяснении геронтологических вопросов обеспечивали судьбоносные решения, от которых зависело, предпринимать или нет эмпирические усилия в собственных исследованиях.

Микросоциальный уровень исследований геронтологического предметного поля фокусируется на индивидуальных агентах социальных действий, на их интеракциях, в то время как макросоциальный уровень теорий исследует социальные структуры и структурные элементы, то, как они влияют на опыт и поведение индивидов. Некоторые социальные процессы разворачиваются сразу на обоих уровнях анализа, что можно обозначить как мезоуровень, или микро-макроуровень анализа.

Мезоуровень анализа отражает динамические и социальные аспекты процессов старения, которые происходят на обоих уровнях анализа. Каждое направление одновременно освещает аспекты социальных взаимодействий и социальных структур для того, чтобы понять и объяснить результаты, полученные в ходе изучения старения.

Одной из приоритетных задач мультидисциплинарного геронтологического поля на данный момент является

построение общетеоретической рамки исследования, которая сможет стать объяснительным инструментом в анализе эмпирических данных. Предшествующий опыт и достижения социологов в конструировании социальных теорий старения являются ключевым звеном как в понимании и объяснении самих процессов старения, так и в приоритетной работе по обеспечению стоящих перед геронтологией задач.

Список использованных источников

1. Handbook of theories of aging/ V.L. Bengtson [et al.]; edit by V.L. Bengtson. – N. Y. : Springer Publishing Company, 1999. – 516 p.
2. The Cambridge handbook of age and ageing/ V.L. Bengtson [et al.]; edit by M.L. Johnson. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 741 p.
3. Longino, Ch. Explicating Activity Theory: A Formal Replication / Ch. Longino, C. Kart // Journal of Gerontology. – 1982. – Vol. 17. – P. 713–722.
4. Atchley, R. C. A Continuity Theory of Normal Aging / R. C. Atchley // The Gerontologist. – 1989. – Vol. 29. – P. 183–190.
5. Bengtson V.L. Theory, Explanation and a Third Generation of Theoretical Development in Social Gerontology/V. L. Bengtson// The Journal of Gerontology and Social Sciences. – 1997. – P. 72–88.
6. Gubrium, J. F. Living and Dying at Murray Manor / J. F. Gubrium. – N. Y. : St. Martin's Press, 1975. – 221 p.
7. Cox, H. History of social gerontology/ H. Cox, R. Newton// Sociological practice. – 1993. – Vol. 11. Iss. 1, Article 4. – P. 16–32.
8. Cumming, E. Growing Old: The Process of Disengagement / E. Cumming, W. Henry. – N. Y. : Basic Books, 1961. – 293 p.
9. Bengtson V.L. Theories about age and aging/ V.L. Bengtson // Handbook of theories of aging/ V.L. Bengtson [et al.]; edit by V.L. Bengtson. – 2nd ed. – N. Y. : Springer Publishing Company, 2009. – 23 p.
10. Settersten R. S. Trends in the sociology of aging: thirty year observations/ R. S. Settersten, Jr. and J.L. Angel // Handbook of sociology of aging. – Corvallis, 2011. – Chapter 1. – P. 3–13.
11. Riley, M. W. Age and Structural Lag: Society's Failure to Provide Meaningful Opportunities in Work, Family, and Leisure / M. W. Riley, R. L. Kahn, A. Foner; edit by M.W. Riley. – N. Y. : Wiley, 1994. – 304 p.
12. Calasanti, T. Gender and Life Stratification in Retirement: An Assessment of the Male Model / T. Calasanti // Journal of Gerontology: Social Sciences. – 1996. – Vol. 51B. – P. 18–29.
13. Quadagno, J. The Political Economy Perspective in Aging / J. Quadagno, J. Reid // Handbook of Theories of Aging / ed. by V. L. Bengtson, K. W. Schaie. – N. Y. : Springer, 1999. – P. 344–360.
14. Moody, H. R. Toward a Critical Gerontology: The Contribution of the Humanities to Theories of Aging/H. R. Moody// In Emergent Theories of Aging/ ed. by J. E. Birren and V. L. Bengtson. – N. Y.: Springer, 1988. – P. 19–40.
15. Dannefer, W. D. Adult Development and Social Theory: A Paradigmatic Reappraisal / W. D. Dannefer – American Sociological Review, 1984. – P. 100–116.

09.06.2017